

УДК 821.161.1'06-311.6"198"*В. Астафьев:351.751.5

Военная проза 1980-х гг. в условиях новой социокультурной ситуации: к вопросу о цензуре в советской литературе (на примере двух вариантов повести В. Астафьева «Пастух и пастушка»)

Е.Л. ГРЕЧАНИКОВА

Объектом данного исследования стала повесть В. Астафьева «Пастух и пастушка», задуманная автором в 1967 г. и впервые опубликованная в журнале «Наш современник» (№ 8, 1971 г.) в прошедшем цензуре варианте. В 1989 г. появляется конечный авторский вариант, претерпевший ряд изменений и преобразований по отношению к варианту двадцатилетней давности. Попытка выявить и систематизировать преобразования, коснувшиеся текста в 1980-е гг., а также установить влияние на данные преобразования социокультурной ситуации 1980-х гг., – и является предметом исследования.

Ключевые слова: аспекты художественного мира, редакция текста, цензура, пространство войны, дегероизация.

The object of this study is the novel «Shepherd and Shepherdess» by V. Astafyev, which was conceived by the author in 1967 and was first published in the journal «Nash sovremennik» (№ 8, 1971) in the censored version. In 1989 the author's final version appears which had gone through a series of changes and transformations in relation to the version of two decades before. The subject of this article is an attempt to identify and organize the transformation of the text during 1980s and establish the impact of socio-cultural situation of the 1980s on that transformation.

Keywords: aspects of the art world, edition of the text, censorship, war space, unglorification.

В 1980-е гг. советская литература ощущает влияние новой социокультурной ситуации и развивается в условиях меньшего контроля цензуры. В связи с этими изменениями литература количественно и качественно обогащается благодаря «возвращённой литературе», а также тем текстам, которые не могли быть опубликованы ранее по цензурным соображениям или публиковались в варианте, претерпевшем кардинальные цензурные правки.

Повесть В. Астафьева «Пастух и пастушка» прошла долгий путь от авторской задумки в 1967 г. до публикации конечного, без цензурных правок, варианта в 1989 г. Предметом исследования в данной статье явились внесённые автором в 1980-е гг. изменения и дополнения, расширившие и идейно трансформировавшие ранее известный вариант повести.

**Фрагменты текста, отсутствующие в одной из редакций, выделены курсивом.*

| Аспекты художественного мира | Редакция 1971 г. | Редакция 1989 г. |
|-------------------------------|---|--|
| 1 Политика и идеология | а) Корней Аркадьевич Ланцов: «Говорить хочу. Я долго молчал. Я всё думал, думал и молчал... Ночью, лёжа в снегу, думал: неужели такое кроволитие ничему не научит людей? Эта война должна быть последней!.. Или люди недостойны называться людьми...». На этих словах его перебивают: «Стоп, военный! Хорошо ты говоришь, но под окном дежурный с колотушкой ходит» [1, с. 19]. | а) Между последней фразой Корнея Ланцова и предостережением «Стоп...» появляется ироничный монолог бойца-интеллигента о героизме, равном положении немецких и русских солдат, ставшими жертвами чужого произвола (причём и Гитлер, и Сталин воспринимаются как преступники): <i>«Героизм! Подвиги! Безумству храбрых поём мы песню!.. Где граница между подвигом и преступлением?.. Вот они, герои великой Германии, отказавшиеся по велению отцов своих – командиров от капитуляции и от жизни... Кто они? Герои? Подвижники? Переустроители жизни? Благодетели человечества?.. Но эти благодетели на пути к подвигам и благам замордовали, истребили целые народы на своём героическом пути...»</i> [2, с. 220–221]; <i>«выгонит... замерзать, погибать в муках новый Наполеон, Гитлер, а то и свой доморощенный бог с бородкой иудея иль с усами джигита, ни разу не садившегося на коня...»</i> [2, с. 221]. |

Продолжение таблицы

| | | |
|--|--|--|
| | б) Раненый русский сержант с укором говорит пожилому немцу с повреждёнными в бою руками: «Кто тебя кормить-то будет и семью твою? Хюрер? Хюрер, он накормит!..» [1, с. 33]. | б) В поздней редакции повести В. Астафьев акцентирует внимание на собирательном значении слова: «Хюреры, они накормят!..» [2, с. 250]. Очевидно, что речь идёт уже не только о Гитлере. |
| | в) «Не отбив сгоряча, дуриком у них взятую высоту, немцы бросили в атаку танки...» [1, с. 61]. | в) Ещё в древнерусских воинских повестях литературный этикет предписывал изображать вражескую силу как «тъму тьмушую», подчёркивая неравные силы противников и нечеловеческие усилия русских защитников. Вероятно, подобный литературный этикет актуален и для идеологизированной военной прозы предшествующих десятилетий: силы противника должны превосходить силы русской армии, тем самым создавая стереотипный концепт «неравный бой». В позднем варианте повести появляются «негероические» факты: «Не отбив сгоряча, дуриком у них взятую высоту, немцы пытались малыми силами взять её обратно, и были отброшены. Тогда они... заскребли всё, что осталось под рукой, и даже четыре танка бросили в атаку...» [2, с. 302]. |
| | г) Если речь идёт о вражеской военной технике, описания нейтральные, лишённые оценки: «старый танк», «Танки навалились утюжить траншею...» [1, с. 61]. | г) «Старый» немецкий танк в поздней редакции приобретает позитивную коннотацию «бывалый» [2, с. 303]. Также добавлен фрагмент, констатирующий мощь противника: «Танки навалились, утюжат траншею, и никакой управы на них нету... » [2, с. 302]. |
| | д) В ранней редакции повести отсутствуют комментарии на тему неготовности русского командования к началу войны с Германией, устаревшей военной техники и т. п. | д) В. Астафьев добавляет полилог солдат, увидевших старый ржавый танк (перешли границу): «А мы и на таких гробах воевали. – И довоевались до белокаменной. – А всё-таки вертаемся и бьём фрица там, где он бил нас. И как бил! Сырыми бил, и не бил – прямо сказать, по земле размазывал...» [2, с. 295]. |
| | е) – | е) Добавлены эпизоды, затрагивающие бытовые, лишённые героической патетики вопросы: солдатская экипировка, жалованье, особенности питания и пр.: «Немцам выдавали кривые связистские ножи, заземлители, кусачки и прочий набор. Наши всё это заменяли руками, зубами и мужицкой смекалкой» [2, с. 203]; «Солдаты шумно изумлялись – им, оказывается, идёт жалованье. Расписались сразу за все прошедшие зимние месяцы, жертвуя деньги в фонд обороны. После этого капитан прочитал краткую лекцию о пользе щавеля, о содержании витаминов в клевере, в крапиве, так как последнее время с кухни доставляли зелёную похлёбку, поименованную бойцами дристухой. Солдаты грозились заложить гранату в топку кухни...» [2, с. 295–296]. |
| | ж) Отсутствуют эпизоды, в которых отражена проблема доносов как распространённой практики сталинской эпохи. «Ланцова Корнея Аркадьевича забрали в армейскую газету» [1, с. 62]. | ж) Умиравший боец Пафнугьев признаётся в том, что «Наклепал... на товарища лейтенанта...», намекнул на «связь командира с подозрительной женщиной...» [2, с. 299]. «Ланцова Корнея Аркадьевича будто бы забрали в армейскую газету, но солдаты поговаривали, что совсем его в другое место забрали за чернокнижье, за приверженность Богу и вредным разговорам» [2, с. 304]. |
| | з) В тексте не упоминается также такая реалья военного времени, как штрафные роты и их предназначение. | з) Достаточно трагично звучит лаконичное авторское дополнение: «...где с ночи лежали и мокли под дождём убитые штрафники...» [2, с. 297]. |

Продолжение таблицы

| | | |
|--|--|--|
| | <p>и) Эпизод с описанием убитых возле картофельной ямы во время артобстрелов старика и старухи: «Они спешили из дому к яме, где, по всем видам, спасались уже не раз и просиживали подолгу...» [1, с. 13].</p> <p>к) Эпизод с похоронами старика и старухи завершается словами: «Ланцов прочёл над могилой складную тихую молитву, и никто не осудил его за это: покойные-то – старики» [1, с. 14].</p> <p>л) Отсутствуют описания сложностей, связанных с захоронением умерших в санпоезде раненых солдат. На одном из полустанков с телом главного героя оставляют санитарку Арину, которая должна организовать захоронение (и это при катастрофической нехватке медперсонала!). Эпизод погребения Бориса Костяева завершается фразой начальника полустанка: «Что поделаешь? Смерть, как и жизнь, у всякого человека своя» [1, с. 69].</p> | <p>и) Дополнения, внесённые в данную фразу, трансформируют авторскую идею: в хаосе войны убить может не только враг, но и свои; боевые задачи должны быть выполнены ценой любых потерь, а смерть мирных жителей – незначительная жертва на пути к «великой цели»: «Они спешили из дому к яме, где, по всем видам, спасались уже не раз <i>сперва от немецких, затем от советских обстрелов</i> и просиживали подолгу...» [2, с. 210].</p> <p>к) В поздней редакции текста отсутствует цензурное «оправдание» прочитанной молитвы: «Ланцов прочёл над могилой складную, тихую молитву: <i>“Боже правый духов, и всякие плоти, смерть поправый и дьявола упразднивший, и живот миру твоему дарованный, сам, Господи, упокой душу раба твоего... рабов твоих”</i>... <i>Солдаты притихли, всё кругом притихло...</i>» [2, с. 211].</p> <p>л) Эпизод погребения [1, с. 69] завершается фразой: «Но ничего этого также не было и быть не могло» [2, с. 315], после чего приведён новый фрагмент текста с альтернативным и более реалистичным вариантом смерти и погребения Бориса Костяева (примечательно, что В. Астафьев не заменяет старый фрагмент новым, а предлагает читателю оба, «цензурный» и реалистичный). Автор демонстрирует жестокую правду военного времени: вагоны с умершими отцепляют «по случайности» (<i>«всё в той же надежде, что советские люди проявят сознательность, подберут трупы»</i> [2, с. 317]), поскольку их отказываются принимать переполненные госпитали (<i>«...мёртвого не могла сдать, с мёртвым возни даже больше, чем с живым раненым»</i> [2, с. 315]). В. Астафьев без эвфемизмов пишет о судьбе своего героя, оставленного в таком «случайно отцепившемся» вагоне: <i>«Мёртвый уже пахнул, в степи протяжно завывали волки... Матерясь, кляня войну, покойника и злодеев, его покинувших, начальник полустанка со сторожем завалили начавший разлагаться труп на багажную тележку, увезли за полустанок и сбросили в неглубоко вырытую ямку. Поскольку с покойного взять было нечего и помянуть его нечем, пьяница-сторож тоже проявил находчивость и снял с покойника бельё»</i> [2, с. 316–317].</p> |
| <p>2 Образ «советского воина»</p> | <p>а) –</p> | <p>а) В. Астафьев стремится разрушить стереотипные представления о солдатах, изображаемых как символ мужества, доблести и отваги, демонстрируя, что война не героическое пространство, а противоречивая человеческой природе ситуация абсурда. Особенно ярко этот мотив реализуется через импрессионистические описания, появившиеся в тексте 1989 года: «И свои, и чужеземные солдаты попадали влѣжку, жалась друг к другу, заталкивали головы в снег, срывая ногти, по-собачьи рыли руками мѣрзлую землю, старались затискаться поглубже, быть поменьше, утягивали под себя ноги – и всё без звука, молчком, лишь загнанный хрип слышался повсюду» [2, с. 200].</p> |

Продолжение таблицы

| | | |
|--|--|--|
| | <p>б) Старшина Мохнаков открывает с Борисом: «Я всего навидался, истратился. Не жаль мне никого. <i>Меня бы палачом над немецкими преступниками. Я бы их!»</i> [1, с. 35].</p> <p>в) Последние дни жизни старшины поданы в тексте с некоторой романтизацией, Мохнаков изображён этаким «русским богатырём», мужественно и сдержанно страдающим: «<i>Борис смотрел в спину Мохнакова... и старался не мешать ему думать, даже кашлял деликатно, в рукавицу. Такие люди, как старшина, пускаются в откровенность только в крайнюю минуту...</i>» [1, с. 36]. Намерение броситься под вражеский танк – ничем не запятанный акт самопожертвования: «<i>Тело старшины вместе с выгоревшим на войне сердцем разнесло по высоте...</i>» [1, с. 62].</p> <p>г) «<i>Пехота раздробленно постреливала из винтовок и пулемётов. Ветер вовсе утих</i>» [1, с. 27].</p> | <p>б) Образ старшины Мохнакова трансформируется, становится неоднозначным и противоречивым. Акцент сделан на крайне «негероической» личности солдата, умирающего от «неприличной болезни» и занимающегося мародёрством: «<i>Борис увидел шустро орудующего кузнечными щипцами человека</i>» [2, с. 253], «<i>Старшина раздёрнул тесёмки на красном кисете, поднёс его под нос взводному. В кисете были колечки с примёрзшей к ним кожей, золотые зубы, вывернутые вместе с окровенелыми корнями, ладанки, крестики, изящный портсигар...</i>» [2, с. 254]. «<i>Весь я вышел. Сердце истратил... И не жаль мне никого. Мне и себя не жаль. Не вылечусь я. Не откуплюсь этим золотом. Так это. Дурь, блажь. Баловство</i>», – говорит Мохнаков [2, с. 255]. Трагично изображена безвыходность положения человека, который не может обратиться за помощью к полковому врачу и вынужден медленно умирать: «<i>Меня ж в штрафную запердят... За смелость...</i>» [2, с. 255–256].</p> <p>в) В новой редакции повести автор по-иному мотивирует, дегероизирует «подвиг» старшины Мохнакова: он решает броситься с миной под танк, поскольку знает о неизлечимой болезни: «<i>Спал мало, ел из своей посуды, чтобы не заразить солдат, бросил пить совсем, в земляной работе сделался немощен, курил беспрестанно, да военное дело выполнял с лютостью – искал смерти</i>» [2, с. 302]. В связи с этим претерпевает изменения и описание смерти старшины: «<i>Тело старшины, поражённое заразной, неизлечимой в окопах болезнью, вместе с выгоревшим на войне сердцем разнесло, разбросало по высоте...</i>» [2, с. 303]. Вместо фрагмента на с. 36 приводятся размышления главного героя о старшине Мохнакове, в которых автор подчёркнуто сводит воедино «высокое», «героическое» и «низкое»: «<i>Борису даже и не хотелось привыкать к мысли, что такого диковинной силы человека можно потерять из-за пустяка. Богатырь и умирать должен по-богатырски, а не гнить от паршивой болезни морально уязвимых морячков и портовых проституток</i>» [2, с. 256].</p> <p>г) В редакции 1989 г. между двумя предложениями, приведёнными слева, появляется достаточно развёрнутый фрагмент текста, в котором приведено своего рода «руководство по разумному ведению боя», лишённое патетики и героических призывов. В. Астафьев демонстрирует эволюцию отношения к войне главного героя, Бориса Костяева. Если поначалу молодой выпускник полковой школы видит ситуацию глазами романтика («<i>Враг топчет нашу священную землю...</i>», «<i>нетерпеливая жажда схватки</i>» [2, с. 235], «<i>За мной! Ур-ра!...</i>» [2, с. 236]), то достаточно скоро он осознаёт несоответствие стереотипного представления о войне как романтическом пространстве тому, что «<i>воевать, не погибая сдуру, могут только очень умные и хитрые люди</i>» [2, с. 239]. Реалистичность описания усиливается за счёт просторечных фраз солдат, которые учат своего молодого командира не геройствовать («<i>Убьют ведь, дура!</i>» [2, с. 236]), и через ироничные авторские ремарки, демонстрирующие механизмы создания стереотипов героического: «<i>Санитары и медсёстры, большей частью кучерявые девицы, шибко много лазят по</i></p> |
|--|--|--|

Продолжение таблицы

| | | |
|--|---|---|
| | <p>д) Негероические размышления о бессмысленности происходящего находят место уже в ранней редакции повести: «Не познанная ещё, вялая мысль о смерти начинает червяком шевелиться в голове... .. вот так заснуть бы в безвестном местечке, в чьей-то безвестной хате, и от всего отрешиться. Это было бы так хорошо...» [1, с. 37]. Однако Борис тут же отгоняет от себя эти «несоветские», не достойные советского солдата мысли: «Что это я? Что за блажь? Какая дурь опять в голову лезет!..» [1, с. 37].</p> <p>е) О ранении бойца Пафнутьева упомянуто лаконично, без подробностей: «<i>Перевязывать было много и неловко</i>» [1, с. 60].</p> <p>ж) ««Гитлер капут!» – орали в телефон бойцы», «пели похабные песни» [1, с. 58–59].</p> | <p><i>полю боя в кинокартинах, и раненых из-под огня волюют на себе, невзирая на мужицкий вес, да ещё и с песней. Но тут не кино»</i> [2, с. 238]; «...из родной части газетку присылали с каким-нибудь диковинно-устрашающим названием: “Смерть врагу!”, “Сокрушительный удар”... И... выразительно написано, как солдат бился до конца, не уходил с поля боя... и “заражал своим примером”. Удивляясь на самого себя, поражённый словами “бился до конца”, “заражал своим примером”, – солдат совершенно уверует, что так оно и было» [2, с. 239].</p> <p>д) Ко внутреннему монологу Бориса о предпочтительности смерти, нежели бессмысленной жизни в абсурдном пространстве войны, добавлены фразы о «горе от ума»: «Что это я? Что за блажь? Что за дурь в голову лезет? Так ведь и спать можно. Люди как люди, живут, воюют, спят, врага добивают, победу добывают, о доме мечтают, а я? “Книжков начитался!” Правильно говорит Пафнутьев, правильно, ни к чему книжки читать, да и писать тоже. Без них убивать легче, жить проще!..» [2, с. 261].</p> <p>е) Описание ранения получает большую выразительность и физиологичность: «...<i>Пафнутьев пискнул, захлебнулся и умолк – старшина туго-натуго притянул бинтами к паху его мошонку...</i>», «...<i>податливая, будто разваренная туша солдата</i>» [2, с. 300]. Пафнутьев ведёт себя неподобающим для советского солдата образом: клянётся замаливать грех, «<i>молить всю жизнь</i>» [2, с. 299] и «<i>пробует перекреститься</i>» [2, с. 300].</p> <p>ж) ««Гитлер капут!» – орали в телефон бойцы, <i>макая горячие оладьи в трофейное масло, вкус которого они начали забывать</i>», «...пели похабные песни с политическим уклоном» [2, с. 298].</p> |
| <p>3 Особенности изображения пространства войны</p> | <p>а) Очевидно, что В. Астафьев изначально не стремится романтизировать хронотоп войны, хотя в тексте можно встретить ряд стереотипных для советской литературы фраз, претендующих на героический пафос: «<i>Кавалерия наступала разбегающиеся табуны противника. Сыпалась пальба, уже торопливая, бестолковая...</i>» [1, с. 28].</p> <p>б) «<i>Значит, совсем плохи дела у немцев</i>», – подумал Борис» [1, с. 27].</p> | <p>а) «Сыпалась пальба, уже торопливая, бестолковая, <i>безнаказанная...</i>» [2, с. 240]. Фраза о героической кавалерии отсутствует. В целом, в поздней редакции хронотоп войны дегероизируется, приобретает черты абсурда, хаоса.</p> <p>б) Приведённая фраза заменена в варианте 1989 года импрессионистическим изображением боя как разрушительного: «...<i>летели вверх комья земли, вороха снега, куски мяса, клочья одежды, колёса, обломки дерева, распоротое железо... Топот коней, рокот танков, людские вопли... Слабое шевеление. Агония. Смерть. Всё унялось</i>» [2, с. 240]. Импрессионистические подробности нагнетают атмосферу абсурдности, противостоительности происходящего на войне: «<i>людское месиво</i>», «<i>смывая разъярённым отчаяньем гибели всё вокруг</i>» [2, с. 197]; «...<i>валялись полужансённые снегом трупы...</i>»</p> |

Продолжение таблицы

| | | |
|---|--|---|
| | <p>«...валялись убитые кони» [с. 36]. «Борис загрёб снегом лицо покойного и пьяно побежал вниз...» [1, с. 34].</p> <p>в) «Фейерверком выплескивалось в небо разноцветье ракет. А здесь всё стихло» [1, с. 9].</p> <p>г) «...повытаскивали из траншеи и другие трупы, соорудили над ранеными козырёк из плащ-палаток...» [1, с. 9].</p> <p>д) Находясь в госпитале с достаточно лёгким ранением, Борис Костяев рефлексивует: «Выходит, он занимает чьё-то место, опять понапрасну жрёт чей-то хлеб, дышит чьим-то воздухом и так вот запросто живёт, тогда как настоящие люди сражаются в это время, умирают за него...» [1, с. 65]. Борис в сердцах говорит медсестре: «Так выбросьте меня...» [1, с. 65].</p> | <p>[2, с. 203]; «...валялись убитые кони и люди. Кюветы забиты бараклом, мясом и железом» [2, с. 258]; «Борис загрёб снегом лицо покойного с разъятой, разорванной пастью, забитой кроваво смёрзшейся кроткой, и пьяно побежал вниз...» [2, с. 252]</p> <p>в) Между двумя предложениями в поздней редакции появляется ещё одна фраза: «И чьи-то жизни ломало и уродовало в отдалении» [2, с. 201].</p> <p>г) «...повытаскивали из траншеи и другие трупы, соорудили из них бруствер – защиту от ветра и снега, над ранеными натянули козырёк из плащ-палаток...» [2, с. 204]. Появляется уточнение, из чего именно делали бруствер: из немецких и русских солдат. Автор акцентирует внимание на обесценивании человеческой жизни в пространстве войны, на бытовом, безэмоциональном отношении солдат к такого рода вещам.</p> <p>д) В поздней редакции к словосочетанию «настоящие люди» добавляется ещё слово «<i>нужные</i>», которые сражаются «...за него и за Родину» [2, с. 308]. «Так выбросьте меня... на помойку» [2, с. 308], – говорит главный герой. Автор подчёркивает, что в абсурдном хронотопе войны «нужными» могут быть лишь люди действующие, а люди мыслящие – «лишние».</p> |
| <p>4 Оппозиция «свои – чужие» (немецкие и русские солдаты как жертвы чужой воли)</p> | <p>а) «Почему не застрелился раньше?.. И кто он такой, чтобы решать за людей – жить или умирать?» [1, с. 31] (О немецком генерале, не принявшем капитуляцию на день раньше и не предотвратившем бой с большими потерями)</p> <p>б) Уже в ранней редакции повести автор обращает внимание на то, что даже на войне есть место гуманности, состраданию без деления на своих и чужих: «...врач перевязывал раненых, не спрашивая и не глядя – свой это или чужой. И лежали раненые вповалку – и наши, и чужаки...» [1, с. 33].</p> <p>в) Эпизод в захваченном немецком штабе: старый немец оплакивает убитого генерала. «Она [переводчица] что-то говорила старенькому солдату по-немецки, но, судя по всему, слова не доходили до него...» [1, с. 29].</p> | <p>а) В. Астафьев размышляет о том, что на войне человек лишён даже права выбрать жизнь или смерть: «Почему он не застрелился раньше? <i>Человек свободен в выборе смерти. Может быть, только в этом и свободен...</i> И кто он такой, чтобы решать за людей – жить или умирать?» [2, с. 247].</p> <p>б) В эпизод о хате-госпитале добавлен фрагмент текста: «...В корыте смешалась и загустела брусничным киселём кровь раненых людей, своих и чужих. Вся она была красная, вся текла из ран, из человеческих тел с болью» [2, с. 250–251]. Сразу после этих слов в текст вставлена патетическая цитата из песни сталинских времён («<i>Идём в крови и пламени, в пороховом дыму</i>» [2, с. 251]), усиливающая диссонанс между стереотипным восприятием войны и реальностью.</p> <p>в) Данная фраза разрастается до целого эпизода с репликами переводчицы и старого немецкого солдата, который в новом варианте повести, стирая слёзы, крутит ручку патефона, воспроизводящего любимую музыку генерала. Когда русский майор снимает ручку с пластинки, старик приходит в ярость: «<i>Вы не смеете... Любимая музыка генерала... Мёртвые не имеют защиты! Мёртвые взывают к милости!</i>...» [2, с. 243]. Равенство всех перед лицом смерти, снятие конфликта «свои – чужие» очевидно в значительно трансформированном фрагменте редакции 1989 года. Солдаты не видят смысла в войне. Тот же старый немец произносит: «<i>Да, да. Мой фюрер... чтоб он сдох!</i>» [2, с. 243], «<i>Есть ли в мире Господь?</i>» [2, с. 244]. Русский майор едва ли не сочувственно говорит о немецких солдатах, которые являются лишь заложниками чужих амбиций: «<i>Ме-</i></p> |

Окончание таблицы

| | | |
|--|--|--|
| | <p>г) Импрессионистическая картина после боя: «...валялись убитые, кони и люди. Оружие, колёса, банки, кружки, фотокарточки, книжки, обрывки газет...» [1, с. 34].</p> | <p><i>шок железных крестов прислал фюрер погибающим солдатам. Вот они. Раздать не успели. О боже, есть ли предел человеческого безумия?!»</i> [2, с. 244].</p> <p>г) В новом варианте данный фрагмент расширяется: «...Многие трупы уже выкорчеваны из сугробов, разуты, раздеты. У совсем уж бедных мертвецов возвращены карманы, оборванные вместе с цепочками, сдёрнуты с ниток нательные кресты...» [2, с. 252].</p> <p>В. Астафьев изображает немецкого солдата, «замотанного в тряпки», с «котелком с чёрным конским копытом»: «Солдат совал под котелок горсточку сухого бурьяна, цепочки, отструженные от приклада винтовки, в надежде сварить еду, хлебнуть горячего – так они вместе и остыли, костерок и солдат...» [2, с. 252]. Совершенно неидеологично, сочувственно звучат мысли Бориса Костяева: «Вот сюда бы Гитлера приволочь полюбоваться на это кино» [2, с. 252].</p> |
|--|--|--|

Таким образом, можно констатировать идейную трансформацию совокупности аспектов художественного мира повести В. Астафьева «Пастух и пастушка» редакции 1989 г. в условиях новой социокультурной ситуации.

Литература

1. Астафьев, В. Пастух и пастушка / В. Астафьев. – Наш современник. – 1971. – № 8. – С. 3–70.
2. Астафьев, В. Пастух и пастушка / В. Астафьев // Так хочется жить / В. Астафьев. – М. : «Кн. Палата», 1996. – С. 194–318.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 29.03.2015